ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ МУЗЫ

Провинциальных муз негромкий разговор,
Небыстрое перо, пробег неяркой кисти,
Не Бог какие весть, но собственные мысли —
Народного шитья застенчивый узор.

Здесь дочкам вслух порой читаем Баратынский —
И тем уж чуть смешон подружек макияж,
Когда сошлись в душе в щемящее единство
И книжка на столе, и за окном пейзаж.

А посреди села повытоптаны травки,
И каждый вечер вновь, в виду полей и рек,
Под крышею одной, словно на очной ставке, —
Бесчинства дискотек и тишь библиотек.

Здесь звезды так близки, как ночью в Галилее,
И те же петухи в предутреннюю рань,
Ведь Галилея та казалась иудеям
Синонимом другого слова – глухомань.

Чем дальше от столиц, тем больше постоянства,
Наивней доброта, бесхитростней вранье,

Бесславней нищета и откровенней пьянство —
Славянского ума в тумане воронье.

Местами все ж чисты российских рек истоки,
Из коих воду пьют, уставши на пути,
Безвестные пока мессии и пророки,
До срока не спеша из этих мест уйти.

Но, пораздав родне положенную плату,
И молча оглядев родную благодать,
Идут в Иерусалим, хоть знают — быть распяту,
Но все же там слышней, и есть о чем сказать.

...И мало званых в пир, и избранных не густо,
Но велика земля, и все же ей родить.
Провинциальных муз прядильное искусство —
Вся сплошь из узелков серебряная нить.

2000

* * *

Вторая половина сентября...
Пустынны перелески и поля,
И берега усталых рек пустынны.
Словно судьбы вторая половина —
Вторая половина сентября.

Вторая половина сентября,
Когда все тяжелее якоря,
И все дороже круг друзей старинных —
Из той, из милой, первой половины,
Где мы смеялись, временем соря,
Задолго до прихода сентября.

Вторая половина сентября —
Все реже снятся дальние моря.
Нам, оказалось, надо так немного:
Быть ближе к дому, детям, ближе к Богу
И к той земле, что любит нас, даря
Вторую половину сентября.

1998

ОСЕННИЕ ЭЛЕГИИ

1.

Не наступает осень сразу,
А незаметно, постепенно...
Сначала ставит астры в вазу,
Потом, едва заметно глазу,
Меняет их на хризантемы.
Лишь первых заморозков проседь
И листьев рыжие ожоги
Нам скажут: все, бесспорна осень,
Но бабье лето вновь попросит:
Не время подводить итоги.
...Уходит мир, привычный глазу,
Ветшают в старом доме стены.
Сначала вянут астры в вазе,
Потом завянут хризантемы,
Но — долго постояв, не сразу...

2.

Пронзительность — вот ключевое слово
К замку осенних настроений:

Что было непонятно, ново,—
Пронзает взгляд без затруднений.
Так виден до конца другого
Полупрозрачный лес осенний.
Прозрачны будущего тропки,
Прозрачны прошлого секреты,
И каждый шаг свой неторопкий
Понятен. И пронзает это.

2.

Сентябрь. Друзей не выбирают,
Ни стран, ни вер, ни сыновей, ни дочек.
Еще в июне или мае
Срок выбора давно закончен.
И — сумма прописью, и — прочерк.

2000

ЭЛЕГИЯ ПОЗДНЕЙ ОСЕНИ

Поначалу осень — полулето, а потом царила золотая.
Следом наступила никакая, ни во что как будто не одета.
Странно — грязь не мерзнет, снег не тает,
за окном пейзаж необитаем
ни для глаза и ни для ума — полуосень и полузима.

В это время — ближе к батарее, к другу, к печке,
ко всему, что греет,
ко всему, что делает добрее, что сулит иные времена
языком вина или хорея, — полуосень и полузима.

Осень — привилегия элегий. О печали времени, о снеге,
низком небе, Ноевом ковчеге комнаты, где сквозь слезу окна
ветви просят стуком о ночлеге. Полуосень и полузима.

Остров одиночества. Порою, Робинзон, свою пирогу строю,
обшивая шкурою, корою, белыми заплатками письма,
чтоб отплыть и видеть: за кормою
горизонта серою каймою — полуосень и полузима.

Плыть — куда? Куда — известно: в зиму, там где сраму
мертвые не имут —
листья мертвые и мертвая трава.
То, что отнято, — того уж не отнимут, Значит, нечего
жалеть, сутулить спину,
и не так страшны сума, тюрьма — с неба снегом
валится зима.

2006

ОКТЯБРЬ

Закончился сентябрь — не стоит горевать.
«Плевать!» — отчаянно сказать — как шапкой оземь,
Не медлить, не жалеть, не ныть, не вспоминать,
Не ждать, не трусить. Наступила осень.
Открыт октябрь, как новая тетрадь.

Открыть октябрь, как новую тетрадь,
Вступить в него, как в ледяную воду,
И плоть ее руками разгребать
Торжественно и мерно, словно оду
И оду с междометья «О!» начать.

Хотя созвучнее причудам октября
Другое восклицанье — «Ох, ты, бля!» —
Когда с утра чуть слышно под ногою
Всхрустнёт оскорлупевшая земля,
Прося зимы, и снега, и покоя.

В осеннем словаре глаголов многовато:
Выкапывать, прикапывать, белить,
И ощущать себя спокойным и богатым,
Солить капусту, начинать топить
И между рам бессмертник класть на вату.

Здесь, у причала лета, старый дом,
Чьи трюмы осень огрузила тяжко,
Начнет казаться старым кораблем,
Устойчивым, как кукла-неваляшка,
От груза существительных имен.

Сверкая корабельной медью крышек,
Стеклятся банок стройные ряды,
И ядер-клубней радует излишек
Для плаванья по долгим дням зимы,
До мая не сулящим передышек.

Вот так — в осуществленье вечных правил
В начале ноября отдать швартовы
И, наглухо отдушины задраив,
Отчалить, скрипнув рубленой кормою,
Вслед за последней улетевшей стаей,
Последнею открытою водою.

1998

* * *

До полудня тянулся пугливый, туманный рассвет,
Таял август, и осень была на пороге,
И шепнуло мне лето: как жалко, с тобой друга нет,
И вздохнула мне осень: друзья, словно время, уходят.

Напоследок сулило нам лето прощальные чудо-пиры,
Кесарь-Август велел открывать заповедные бочки,
Ну а осень смотрела, где будут из листьев костры,
И в своем календарике дни обводила кружочком.

Странной трезвостью август пьянит —
то поступки итожить влечет,
То беспечно кружить в этом пестром времен хороводе.
Что с того, если лето сегодня неслышно уйдет?
Ведь и все в этой жизни неслышно
уходит,
уходит,
уходит.

1997

* * *

Ноябрь — печальные раздумья,
Апрель — сиреневые сны,
Безумье легкое июня
После бессонницы весны.

Октябрьской ягоды настойки,
И, хрусталем огранено,
С январской хвои вкусом горьким
Прошедших августов вино.

Сентябрьских вечеров пастели,
Январской графики листы,
Апрельских далей акварели,
Июля пестрые холсты.

Октябрь прогулок и элегий
Сменяет ноября сонет,
Окрестности в февральском снеге
Пятнает ямба легкий след.

Жизнь — бесшабашная бегунья,
За ней по кругу мчимся мы:
И вновь — осенние раздумья,
И вновь — безумия весны.

2003

ЧЕТЫРЕ СТАНЦИИ ЛЮБВИ

Четыре станции любви...
В названье первой — Моховая —
Звучало: юная, шальная,
И лыжи с гор, и крик: «Лови!»,
И в поцелуе вкус «токая».

Вторая станция была
С весенней зеленью во взоре —
Черемух белых Белогорье, —
Там пахли губы и слова
Черемуховым белым морем.

А третья — то была отрада
Средь летней духоты житейской.
Ждала на станции Призейской
Реки и мокрых губ прохлада
И сосен шепот чародейский.

Четвертой — той давно уж нет, —
Разъезда за большой рекою,
Где были осенью с тобою,
Там тальниками пах рассвет,
А губы — мятой полевою.

И тихо: Господи храни! —
В окно вагонное шепчу я —
Четыре станции любви,
Четыре женские судьбы,
Четыре вкуса поцелуя.

2000

ПЕСЕНКА ПРО НАЗВАНИЯ УЛИЦ,
или Автобиография в топонимике

От возраста умнея и сутулясь,
Брожу по городу и все хочу понять:
Ну почему названиями улиц
На жизнь мою проставлена печать?

Я в детстве жил на улице Шевченко —
И не случайно, понял я потом, —

Поскольку, с детства русский стопроцентно,
По батюшке был все-таки хохлом.

На Пионерской юным пионером
Мечтал я быть, шагая в первый класс,
И Павлика Морозова примером
На папу мой прищуривался глаз.

На Горького учился в средней школе,
И не был сладок корень у наук,
Я грыз его в школярской горькой доле,
Дорогу прогрызая в институт.

А на Крестьянской (ныне Красноармейской)
Любви был первый и девятый вал…
У девочки, у дочки офицерской,
Был папа из крестьян, но генерал.

Где в Горького уперлась Трудовая,
Я упирался, полон юных сил,
Премудрость медицины постигая,
И горьким истинам ее других учил.

На Комсомольской дети подрастали,
Но комсомольский так недолог срок,
На Горького мы жить переезжали —
Ребята, я боюсь, что это — рок.

Ах, что же так на Горьком жизнь застряла?
Что, Буревестник, реешь надо мной?
И почему той улицы кварталы
Кончаются больницей и тюрьмой?

И вот теперь, стареющий философ,
Я обретаю жизни идеал
На улице, которой Ломоносов
Предвидя многое, ее названье дал.

А в доме с мезонином, что под крышей,
На Чехова мой добрый друг живет,
Он, к сожаленью, пьес совсем не пишет,
Зато, как Чехов, очень мало пьет.

Мы склонны к увлеченьям театральным,
И раз в неделю паримся вдвоем
На Театральной улице, где баня,
И очень театрально пиво пьем.

Ведь в бане, словно в драме, неприкрыты
Пороки, у кого какие есть,
Хоть вы о том у Чехова спросите —
Недаром эта баня — номер шесть.

Напарившись, мы — будто бы на крыльях,
И видим на Чайковского балет:
Там много ходит ну таких Одиллий! —
И друг жалеет, что уже одет.

В названьях улиц очень неслучайны
Намеки на превратности судьбы.
Пусть разные в них будут скрыты тайны –
Не надо только классовой борьбы.

2001

* * *

Город выгнут дугою
от парка до парка,
А над городом гордо —
Триумфальная арка.

Чтобы каждый, пришедший сюда,
поднял голову выше,
Чтобы, голову подняв,
увидел, услышал:
Мы — страна не воров,
не калек-недоумков,
Мы — Народ, тот, кто выстрадал
столько триумфов!
И такою ценой, что никто не изведал,
Но с триумфом
шагнувший
на площадь Победы!

2005

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Где начинается весна?
— В Сочельник тихий Рождества,
Там, где под раннею звездою
Искрится снега белизна, —
Там начинается весна.

Где начинается весна?
— Где день весенних равноденствий,

Где первых жаворонков песня
На Благовещенье слышна, —
Там начинается весна.

Где начинается весна?
— На день Христова Воскресенья,
Где Пасхи воздухом весенним
Очнулся мир от смерти сна, —
Там начинается весна.

И каждый раз там, где мы вместе,
Там жаворонков доброй вестью
Наполнена голубизна,
И словно сами мы воскресли —
И начинается весна.

2001

* * *

Влюбленный слеп, но любящий — всевидящ.
Происходящего счастливый очевидец,
Он видит так, как прочим не дано,
Как будто бы в любви заключено
Высокое, пронзительное зренье,
Которое прозрению равно.

Когда-то свет мы различали еле
Над малым горизонтом колыбели —
Нас поднимала вверх рука отца,
И тот высокий ветер у лица
Мир открывал, неведомый доселе.

Продолжили леченье наших глаз
Другие, кто любил когда-то нас
И возвышал над слепотой обиды,
Над трусостью зажмуренной и ленью,
Над путаною ложью сновиденья,
Над всей Землею, не имевшей вида,
Когда бы не любовь.

Но в той любви был только проблеск первый
Уже иного света — света Веры,
Той высоты, не знающей конца,
И той любви, не признающей меры,
Что лишь в руке небесного Отца.

И — снова свет и ветер у лица...

2002

* * *

Пламени свечи легкий мотылек
Над твоей рукой пьет янтарный сок.
От твоей свечи я зажгу свечу,
От моей зажгут — неизвестно чью.
От огня — огонь, от любви — любовь.
Из того, что есть, будет что-то вновь.
От твоей свечи малого огня —
И тепло, и свет завтрашнего дня.

От твоей свечи я зажгу свечу,
Рядом — помолюсь, рядом — помолчу,
Чтоб в мирской ночи через много лет
От твоей свечи сохранился свет.

2002

* * *

Будешь в церкви — вспомни обо мне,
У икон, в задумчивом молчанье,
Промелькнувшей мыслию случайной.
Пусть хоть так — того довольно.
Не
Забудь...
Когда ж возносят ввысь
Душу хора стройные распевы,
Пусть она летит в иные сферы,
Обо мне не стоит, не молись.
Богу — Богово. Пусть обо мне последнем
Вспомнит взгляд твой, возвращаясь вниз,
Различая бисер дней и лиц —
Лиц совсем далеких и соседних.
Вот тогда и слаще, и больней
Жизнь увидится пронзительно и остро:
Слава Богу, ясно, чисто, просто, —
Вот тогда ты вспомни обо мне.

Многое для нас еще случится,
Многое исполнится, должно быть,
Только лучше этого не трогать —
Не загадывать и тихо помолиться.
И пока в грядущей полутьме
Нам предел назначенный неведом, —
Кто за кем покинет Землю следом, —
Будешь в церкви — вспомни обо мне.

2001

* * *

Когда наступит твой черед
Быть легким, ветреным и юным —
Будь легкомысленным, неумным
И не заглядывай вперед.

Потом придет другой черед —
Черед забот, черед работ,
Черед питаться и питать,
И в жизни чем-то обставляться,
Укоренять, укореняться,
И кем-то слыть, и кем-то стать.
А будет трудно — будет греть
То счастье юного начала,
Что, будто музыка, звучало
И обещало все успеть.

И третий, главный твой черед —
Черед спокойствия, прозрений,
Несуетной и плодотворной лени.
И станет главной из забот
Одна — дарить да отдавать,
Во всем довольствоваться малым,
Ведь с малым к новому началу
Удобней налегке шагать.
Без хлама ветхого богатства,
Иные слыша голоса,
С душой своею оставаться
Наедине — глаза в глаза.

2002

* * *

Июнь. Жара. Зашторенные окна.
Прохладный сумрак комнаты лучом
Разрезан на две равных половины.
В их глубине подобьем сердцевины
Белеет колыбель. Здесь ни о чем
Не сожалеет время. Время смолкло.

В потоке восходящего тепла,
В потоке ниспадающего света
Пылинок плыли малые планеты
И метеорами сгорала мошкара.

Здесь вечность неразбавленно текла,
Когда галактика пушинки тополиной,
Масштабы мира обнажив невинно,
Материю истории ткала.

Здесь над младенцем, словно над цветком,
Кружился Ангел, пролетавший мимо,
И только нам оказывался зримым
Беспечным белоснежным мотыльком.

Прожилками прозрачного крыла,
Покрытого пыльцою золотистой,
Он вспыхивал волшебной Божьей искрой
И, затаив дыханье, замерла
Вся спальня детская — подобье Мирозданья,
Когда читались детскому сознанью
Неведомые взрослым письмена,
В которых сохранялись времена.

2003

* * *

Господь не покинет в беде,
Но в счастье, тепле и довольстве
Есть очень опасное свойство —
Доверие только себе.
Как будто бы в сытые дни
Мы Господу тоже помеха —
Он с теми, кому не до смеха,
А мы остаемся одни.
Как сыном забытый старик,
В трудах своих патриархальных:
«Не нужен — всё, значит, нормально», —
Вот так Он себе говорит.
Ни слова не слыша в ответ
До времени новых ненастий,
Он с тем, кому нужен, Он — счастлив,
А сытый без Господа — нет.

2003

* * *

Тихая, тихая вера
В то, что Господь есть над нами,
С Ним и последним и первым
Есть место под облаками.

Тихая, тихая память,
В которой все возвратимо,

Будто ясное пламя
Той свечи негасимой.

Тихое, тихое счастье
Жить между прошлым и новью,
Соединив их отчасти
Тихой своей любовью.

2004

* * *

Мы все равно потерпим пораженье
В земном итоге всех своих побед.
У времени не выиграть сраженье,
И выходов в кольце болезней нет.

И вот тогда, над сумраком итога,
Как белый голубь, обозначив высь,
Из плена притяжения земного
Возникнет легкая спасительная мысль —

Что где-то там, по неземным дорогам,
Пусть ненадолго, сохранится след
От наших малых и таких немногих,
Но все-таки — одержанных побед!

...И с ними мы предстанем перед Богом.

2005

ТРИ ВОЗРАСТА ЛЮБВИ

И всю я тебя, от гребенок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспирову,
Носил за собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.

Б. Пастернак

1.

Я люблю тебя так, ни за что. Полюбил и люблю.
Ненавидят — за что-то, а любят — от чистого сердца.
Пусть колеблются курсы валют, пусть дефолт угрожает
рублю —
Все равно я люблю, и от этого некуда деться.

Я люблю тебя всю, всю тебя — от гребенок до ног
(Как заметил поэт Пастернак), любят так только очень
и очень немногих:
Каждый взгляд твой и каждый волос завиток,
Каждый шаг твой и вздох, и улыбку, и руки, и ноги.

О любви своей розы руки, губы себе наколю —
Чтобы кровью тебе написать, как о самом интимном:
Я люблю, я люблю, я люблю, я люблю, я люблю,
Пока кровь не свернулась, — прости, что написано длинно.

2.

Я тебя не люблю. Ни за что я тебя не люблю,
Это любят за что-то, а не любят — от чистого сердца.
По любому из курсов валют — евро, доллару или рублю —
Я тебя не люблю, и от этого некуда деться.

Не люблю тебя всю, не люблю от гребенок до ног,
(Молодец Пастернак!) — так не любят лишь очень
немногих:
Твой нелепый прикид, твой дурацкий на лбу завиток,
Губы, зубы, глаза и, ты знаешь (да, ты знаешь) —
особенно ноги.

На груди, возле сердца, я наколку себе наколю,
Или, может, ее наколю я на месте интимном:
«Не люблю, не люблю, не люблю, не люблю, не люблю» —
С восклицательным знаком — прости, что наколото
длинно.

3.

Ни с того ни с сего ты спросила меня: я люблю?
Это значит — сегодня опять у тебя с перебоями сердце.
Твое сердце в рубцах — это я твое сердце рублю,
Как ты рубишь мое, и от этого некуда деться.

Жизнь — спектакль для актеров двоих. Всю тебя,
от гребенок до ног
(Ах, мудрец Пастернак!), я тебя понимал, как немногих.
Режиссер наших судеб сюжета крутил завиток,
Замышляя финал, где бинтом свяжут руки и ноги.

Что там ждать медсестру? Дай я сам все тебе наколю,
В нашем возрасте, милая, смех говорить об интимном.
Полегчало? Усни. Да, люблю, да, конечно люблю.
Жалость — больше любви, но об этом рассказывать
длинно...

2007

* * *

Долго жить, много видеть и помнить
Для того, чтобы ближе к концу
Жизнь увидеть как даль с колокольни —
Как ее не увидеть юнцу.

Для того все былое копилось,
Чтобы после, когда все пройдет,
Вновь увидеть как Божию милость
Каждый час, каждый день, каждый год.

Все, что было хорошего с нами,
Навсегда поселяется в нас.
Память-ласточка, ласточка-память —
Удивленье для сердца и глаз.

2008

* * *

Жизнь тогда лишь совершена,
Когда старостью завершена.
Вобрав отпущенные времена,
Жизнь должна совершить свой круг,
Чтоб, перед тем, как ей замкнуться, вдруг
Ты увидел, как через жизни твоей кольцо
Продеты чьи-то кольца. Так кружевцо
Плетется или кольца кольчуг,
И в этом промысел Божьих рук.

В сплетении наших судеб-колец
Ни сталь, ни свинец не несет конец.

2008

РИСУНОК

Как нам нарисовать цветок?
Сначала полюбить цветок.

Сначала очень полюбить. Надежде,
Надежде-зернышку проклюнуться, набухнуть
Дать время. Не спешить, не дать надежде рухнуть,
Увидеть всхода бледный завиток.
С терпением, непредставимым прежде,
Увидеть майский день, потом — июньский день,
Где яблони густеющая тень.
Под нею, в проблесках порхающего света —
Слезинкой клейкой зреющий бутон,
Как знак того, что наступило лето —
Расцвел пион.
На корточки присесть, с пионом наравне,
Лицом к лицу приблизившись, услышать,
Как теплый ветер издали и свыше
С ним говорит. Как у цветка на дне
Журчит пчела, позлащена пыльцою,
Не рассуждая, стоит жить, не стоит, —
Конечно, стоит! — отвечает мне.

Да, стоит жить, оставшись в этом дне,
Чтоб продолженьем вечности пейзажной
Стал невесомый ваш набросок карандашный,
Как легкий детский поцелуй, как змей бумажный...

2005

ВЕЧЕРНИЙ РАЗГОВОР ВТРОЕМ

Мы под вечер сидели втроем, мы о жизни втроем говорили —
И том, что случилось, и о том, что случится потом,
Прихотливо сплетая какие-то небыли, были,
И о чем-то о важном, и о чем-то совсем не о том.

Первый — тертый мужик, он имел очень цепкую память,
В ней одно за другое сцеплялось в какую-то длинную цепь.
Начинало казаться: все было как будто бы с нами,
А не с ним лишь одним, если здраво на то посмотреть.

А второй, хоть седой, но казался юнцом легконогим,
Был отчаянный враль и наивный такой прожектер,
Не любивший вздыхать и мусолить любые итоги,
Украшал небылицами строгий мужской разговор.

Ну а третий — был я, между завтрашним «я» и собою
вчерашним.
Я все больше молчал, размышляя о том и о сем.
Мне с ребятами этими всякое было не страшным,
Ведь, случись что со мною — так ими я буду спасен.

Не любимцы фортуны, не ангелы и не герои,
И ни лучше, ни хуже других по наружности или уму.
Все же нам повезло — нас сегодня пока еще трое,
Это все ж веселей, чем кому-то сидеть одному…

2008

СВЕТ НЕБЕСНЫЙ

Выпал снег — и словно свет принес,
Но светло сегодня не от снега,
Просто стал виднее отсвет неба —
Отсвет солнца, месяца и звезд.

Так везде, где в мире чистота,
Всюду-всюду виден свет небесный,
Так благословляет мир окрестный
Свет, которым смотрит высота.

…Как среди белеющих берез,
Между чистых душ тот свет витает,
Никогда не гаснет и не тает
Отсвет солнца, месяца и звезд.